

По ком звонит колокол

«Месье Кляйн»

Режиссер Джозеф Лоузи

В ролях: Ален Делон, Жанна Моро и др.

Франция, 1976, 123 мин.

Исполнилось 118 лет, 3 месяца и 12 дней со дня рождения известного британско-французского кинорежиссера американского происхождения Джозефа Лоузи. Это прекрасный информационный повод, чтобы поговорить о его фильме «Месье Кляйн»! Шутка юмора. Смысл: хочу поломать установку «Хадашот» на писание только «по поводам» или про новые фильмы. Наскучило быть ее заложником. Новых фильмов «про евреев» мало, а хороших и того меньше. Приходится писать о фильмах, не стоящих внимания. А зачем, если есть старые картины на еврейские темы, по крайней мере, сохранившиеся в истории кино? Это не значит, что я изменю своей установке понимать профессию «критик» слишком буквально и всё, что ни увижу, нещадно критиковать. Вот этого я не могу поломать: от себя не уйдешь. Но,

во всяком случае, хоть не буду стрелять из пушки по воробьям.

Итак, «Месье Кляйн». Прежде чем говорить непосредственно о нем, позволю себе краткий экскурс. В теории литературы различаются фабула и сюжет. Фабула — это чисто объективная последовательность событий произведения; ее можно назвать кратким пересказом содержания. Сюжет — это те модификации, которые претерпевает фабула в повествовании. Иначе говоря, это результат художественной обработки автором фабулы.

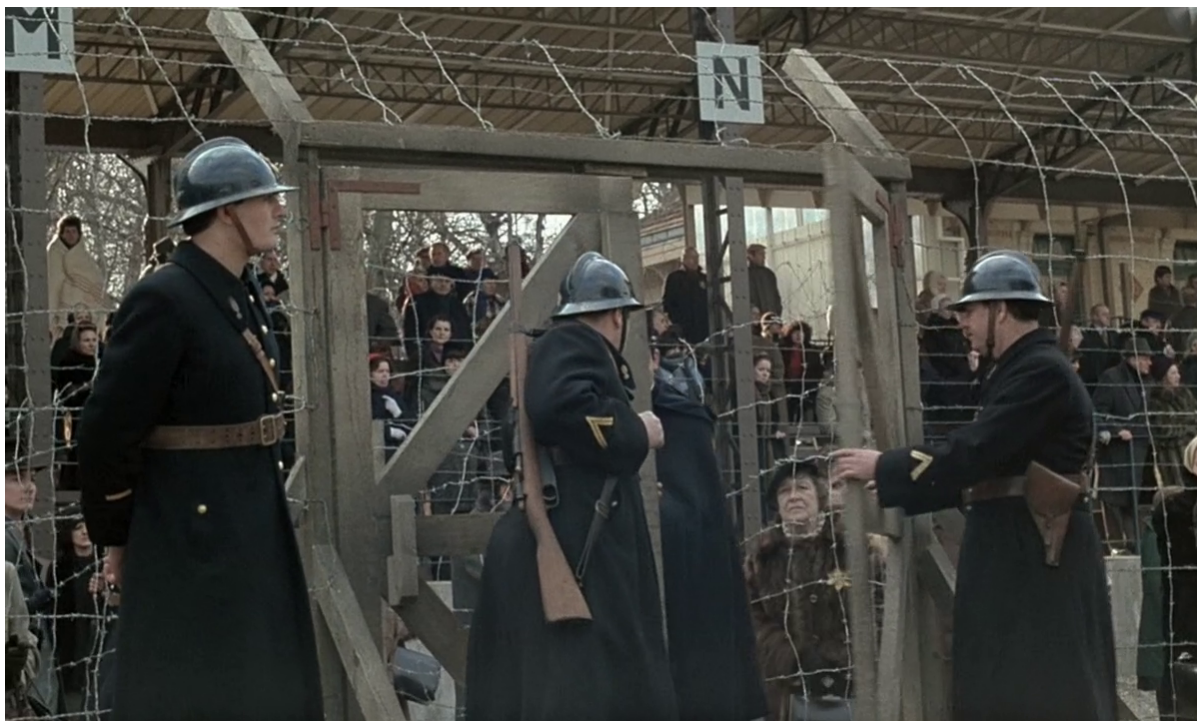
Фабула «Месье Кляйна» такова. Действие происходит в Париже во время немецкой оккупации. Преуспевающий молодой торговец антиквариатом Робер Кляйн (Ален Делон), пользуясь бедственным положением евреев, дешево скупает у них предметы искусства. Кляйн — чистый француз, фамилия которого объясняется тем, что его предки были родом из Эльзаса. Но в результате некоего недоразумения коллаборантская парижская полиция принимает его за еврея Робера Кляйна, которого мы в фильме ни разу не увидим.

Кляйн предпринимает активные шаги в направлении собственной «реабилитации». Собственно говоря, весь фильм состоит из попыток героя доказать, что он это он, для чего Кляйн стремится встретиться со своим «двойником», попадая при этом в разные странные и опасные ситуации. Однако у него ничего не выходит — напротив, его исступленная деятельность

убеждает полицию, что он таки еврей Кляйн. У него конфискуют все его артефакты, он теряет свою шикарную квартиру, а в финале грубо и просто попадает в облаву — это печально известная облава «Вель д'Ив» 14-15 июля 1942 года, когда в Париже и его окрестностях было арестовано 13 тысяч евреев. Вместе с этими несчастными Кляйна отправляют в Аушвиц. В «эшелоне в рай» он встречается глазами с человеком, которого в самом начале фильма ободрал-обобрал как липку, купив у него за бесценок картину старинного голландского художника.

Смысл из этой истории, как она выглядит по фабуле, можно извлечь такой: подобно полковой маркитантке матушке Кураж из пьесы Брехта о Тридцатилетней войне, Кляйн хочет нажиться на чужой беде, но... не думай, что колокол звонит по кому-то — он звонит по тебе!

Теперь о сюжете. В «аранжировке» Джозефа Лоузи эта история предстает совсем не в той форме, какую естественно было бы предположить: фильм о Холокосте с присущей ему стилистикой сурового документализма. Перед нами изысканно красивая картина в кафкианском духе, полная таинственных полумистических поворотов и заморочек. Как в «Процессе» Кафки, злосчастия Кляйна кажутся не следствием конкретных исторических и бытовых обстоятельств, а тем, что герой попал в поле действия могучих и непостижимых сил зла. Причем по ходу действия Кляйн меняется: его яростные попытки «оправдаться» уступают место какому-то мазохистскому подчинению злу, упоению им, так что в финале, сладостно затянутый в адскую воронку, он как бы сам способствует тому, чтобы попасть в эшелон смертников, отказавшись от реальной возможности спастись.

А теперь, как всегда, моя критическая оценка. Я думаю, что это натянутый, претенциозный фильм, в котором фабула и сюжет конфликтуют. В некотором смысле Джозеф Лоузи уподобляется своему герою: тот использует Холокост для денежного обогащения, а режиссер использует его для обогащения своей, в сущности, простой, хоть и странной истории (но чего в жизни не бывает!) эстетскими изысками. Есть большая разница между герром К. из «Процесса» и месье К.: первый действительно ни в чем не виноват, и читатель, идентифицируясь с ним, принимает абсурдистскую модель мира по Кафке; второй, по большому счету, виноват в том, что он хищник и вольный или невольный коллаборационист, и когда Лоузи пытается представить его неприятности в мистическом плане, мы думаем: Кафка тут не при чем, просто за что этот тип боролся, на то и напоролся — поделом ему!

Закончу, тем не менее, честной информацией: большинство кинокритиков по выходу фильма назвали его произведением выдающимся, и он получил массу высоких наград. То, что я считаю нестыковкой, эксперты сочли, наоборот, возгонкой темы Холокоста до неких экзистенциальных глубин. Впрочем, «возгонка до глубин» — неправильное выражение, следует сказать, «возгонка до высот». Ладно, глубин там или высот, но я считаю, что этот фильм больше, чем бестактен, — он, вопреки всем усилиям Лоузи, несовершенен, неэстетичен. Случай «Месье Кляйна» демонстрирует, что красота и неправда

так же несовместны, как гений и злодейство. Но, в любом случае, это фильм интересный, и я предлагаю читателю посмотреть его и вынести собственное суждение.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»